

— Тот Гоу Саньши совсем плох, — шептал Доумяо, устроившись на кане в хижине. — Нашли его на склоне горы: ноги переломаны, сам от стужи посинел, а сердце в груди так раздулось, что того и гляди лопнет. Люди поговаривают, не дотянет он до утра.

Доумяо перевёл взгляд на братьев и, ещё больше понизив голос, таинственно добавил:

— Брат Чэн, малыш, а ну, угадайте, что с Вэй Саньнянем случилось?

Горшочек от такого пугающего вступления даже замер. Бросив недоеденный орех, он пулей метнулся к Вэй Чэну и спрятался у него на груди.

— Братик, Горшочку страшно!

Юноша крепко прижал его к себе:

— Не бойся, маленький, не бойся. Это всё в прошлом. Послушаем как сказку или небылицу, ладно?

Он высыпал в ладошку брата горсть очищенных ядер фундука и грецких орехов:

— Вот, покушай ещё.

Малыш уткнулся лицом в грудь Вэй Чэна, выставив наружу лишь пухлую попку, и приглушённо пробормотал:

— Братец Доумяо, рассказывай дальше. Горшочек хочет слушать.

И боязно, и любопытство разбирает.

Вэй Чэн подал другу знак продолжать. Доумяо приосанился, подражая городским сказителям, и, звучно хлопнув себя по колену, выдал:

— Уж не знаю, сколько тот Вэй Саньнянь вчера вылакал, но когда его нашли... — Мальчишка на мгновение запнулся, вспоминая, как матушка честила отца за пьянство. — В общем, лежал он в лесу голышом, сверкая грязным задом! Половину тела волки ему изорвали так, что смотреть тошно. Видать, волк тот либо старый был, либо зубы растерял — не уволок Саньняня в логово, а только погрыз изрядно. Но плоть на руках и бёдрах до самых костей содрана, а поджилки перекушены... Едва дышит бедняга. Даже если выживет — по гроб жизни калекой останется.

«Старый волк? — пронеслась мысль в голове юноши. — Неужто родич Синьэра?»

Никто не мог сказать наверняка, но Вэй Чэн ещё в ту ночь заподозрил, что одним из воров был

Третий дядя. А когда из деревни донеслись вести об исчезновении Вэй Саньняня, сомнений не осталось. И если Саньняню «повезло» встретить волка и остаться в живых, то лишь потому, что зверь почуял на ворах запах своего детёныша. Они ведь долго пробыли в хижине, да и Синъэра сонным зельем опоили — их одежда насквозь пропиталась его духом.

Но почему волк оставил Саньняня в живых — этого Вэй Чэн и сам понять не мог.

Доумяо, подперев подбородок рукой, вздохнул:

— В деревне только и разговоров, что о ворах да об этих двоих. Один замёрз почти до смерти, другого волки едва не сожрали. Матушка мне теперь и шагу ступить не даёт, еле отпросился к вам зайти.

— Тётушка правду говорит, — кивнул хозяин дома, поглаживая Горшочка по спине. — Накануне Нового года всякий люд на дорогах встречается. Осторожность не помешает. Ну что, Горшочек, братец Доумяо закончил, вылезай.

Ребёнок показал покрасневшее личико и, уютно устроившись в объятиях брата, сердито сопел, потирая пухлые ручонки:

— Братец Доумяо, а вот и не напугал ты Горшочка! Совсем-совсем!

Собеседник озадаченно почесал в затылке и глуповато рассмеялся:

— Ну и смельчак же ты! Я когда отца слушал, у меня ноги так затряслись, что дважды в нужник бегал.

В деревне редко случалось что-то из ряда вон выходящее, но история с ворами и страшными увечьями односельчан напугала всех. Теперь в каждом доме запирали двери на все засовы.

Вэй Чэн лукаво взглянул на братишку:

— Точно не боишься? Смотри, а то как бы ночью «великий потоп» не случился.

Горшочек мгновенно вспыхнул и оскалил мелкие зубки, точь-в-точь как рассерженный волчонок:

— Братик плохой! Братик смеётся над Горшочком!

С этими словами он принялся в шутку колотить старшего своими кулачками-пампушками. Доумяо, глядя на них, довольно хохотал и сам принялся щекотать Вэй Чэна под мышками.

Нарезвившись всласть, юноша предложил:

— Доумяо, оставайся у нас, пообедаем вместе.

Мальчишка покачал головой:

— Не могу, брат Чэн. Сегодня же двадцать третье число двенадцатого месяца — день Бога очага. Нужно матушке помогать печь топить да пельмени варить.

Вэй Чэн не стал его неволить. Немного подумав, он оторвал куриное крылышко и протянул другу:

— На, съешь потиньку, только не показывай никому.

Доумяо вытаращил глаза:

— Ого! Брат Чэн, откуда у тебя на такое деньги?

— Жареная курица сорок пять монет стоит. Всего пять охапок дров — и готово, — усмехнулся юноша. — Человек ведь ради еды и живёт. Нужно наесться, пока возможность есть. А то вот как мой отец...

Он на миг опустил глаза:

— Всю жизнь хребет гнул, надрывался, а куска доброго так и не съел. Только «белых волков» выкормил, неблагодарных...

— Ты не кручинься, брат Чэн, — попытался утешить его Доумяо. — Увидел, как Саньяню волки бок разодрали, и об отце вспомнил? А ведь и правда — дядюшка Даньен тогда тоже с той стороны ранен был. Чудно как-то совпало...

Вэй Чэн промолчал.

«Чудно ли? — подумал он. — Скорее, кара небесная».

Семья Вэй предала память его отца, бросила сирот на произвол судьбы — и теперь расплачивалась за свою черноту.

— Возмездие! — причитала старуха Фан, сидя на кане в доме Третьей ветви. — Старик мой, за кем же ты там на том свете приглядываешь?! Саньянь ведь твой родной сын, почему ты его не уберёг?!

Для Саньяня вызвали лекаря из города. Из комнаты то и дело выносили тазы с кровавой водой, а горький запах снадобий, казалось, пропитал всё подворье.

Лю-ши от слёз и недосыпа едва видела свет, моля лекаря спасти мужа. Пусть Саньнянь и повредил поясницу, лишившись мужской силы, но пока он жив — у неё есть опора. Если же его не станет, старуха Фан, которая в грош не ставит никого, кроме сыновей да денег, мигом выставит её за порог, как и Цинь-ши.

Вторая ветвь семьи тоже суетилась рядом, но в их сочувствии явно сквозило злорадство. Если Саньнянь умрёт, а Лю-ши прогонят, то после замужества Вэй Линьлан всё наследство Третьей ветви — и деньги, и земля — отойдёт им. На месте второй невестки любая бы радовалась! Но жене пострадавшего сейчас было не до смеха — она выложила всё своё приданое, лишь бы поставить мужа на ноги.

Вэй Линьлан стояла поодаль, брезгливо прикрывая нос платочком. Вид крови пугал её, и она не решалась войти в комнату брата. Тут к ней подошла Вторая невестка:

— Сестрица, не в обиду тебе скажу, но знаешь ли ты, за что твой брат в такую переделку угодил?

Линьлан капризно мотнула головой:

— Разве не оттого, что выпил лишнего и на волков в лесу наткнулся?

Собеседница огляделась и прошептала ей на ухо:

— Меньше слушай, что люди болтают. Они с Гоу Саньши ножи купили, сонное зелье раздобыли и на гору пошли — Вэй Чэна грабить да убивать!

Девушка охнула, округлив глаза:

— Ч-что?! Значит, это всё из-за Вэй Чэна? Нужно немедленно в управу заявить!

Женщина посмотрела на неё как на умалишённую.

«И в кого Линьлан такая уродилась? — подумала она. — Красивая, а ума — как у воробья».

— Какая управа, милая? — принялась она увещевать Линьлан. — Твой брат сам на разбой пошёл. Если судья узнает, где он ножи брал да у кого зелье выменивал, его самого за решётку упрячут. Покушение на убийство — дело серьёзное. Ладно Саньнянь, а о тебе кто подумает? Дурная слава и на тебя падёт.

Линьлан в ужасе прижала ладонь к губам:

— А если в поместье Ли про это узнают? Вдруг они весной передумают сватов засылать?

Недавно она с матерью ездила в город — показывалась будущей родне. С тех пор как год назад она случайно встретила в лавке молодого господина Ли, оба потеряли покой. Семья Ли была

вхожа в дома чиновников, поэтому все Вэи из кожи вон лезли, чтобы эта свадьба состоялась. Даже прижимистая Вторая ветвь расщедрилась ей на новое платье...

— Вот и я о том же, — вздохнула невестка. — Лучше пусть эта история в стенах дома останется. Сама подумай: кто за тебя пойдёт — хоть богач из города, хоть деревенский мужик, — если прознают, что твой брат вор и душегуб?

Линьлан закусила губу, всхлипнула и, топнув ногой, побежала к старухе Фан.

Вторая невестка проводила её долгим взглядом, поправила прядь у виска и, мгновенно сменив выражение лица на скорбное, закричала:

— Лю-ши, давай я помогу! Куда это нести? Оставь, я сама...

Дом Гоу.

Гоу Саньши, едва живого, бросили на кан. Семья его была бедна как церковные мыши — всё добро мужчина проиграл да в весёлых домах прокутил. Откуда взяться деньгам на городского лекаря?

Травник Ци, осмотрев его, лишь печально покачал головой. Он молча выписал два рецепта и велел прийти за травами к нему, после чего подхватил сумку и ушёл.

Чэнь-нянцзы, жена Саньши, которую звали Сюцзюань, застывшим взглядом посмотрела на стонущего мужа, вышла за порог и медленно разорвала рецепт в клочья.

Никто из родни в доме даже носа не высунул. Двери и окна были плотно закрыты — все боялись, что она придёт просить денег на лекарства. Даже родные отец с матерью, разок заглянув, поспешили уйти. Годы они терпели его выходки, покрывали долги, но всему есть предел.

Сюцзюань вернулась в комнату и погладила сына по голове:

— Иди погуляй, сынок. Нечего тебе тут сидеть.

Мальчик лет шести робко спросил:

— Матушка, а почему тятя не встаёт? Он помер?

— Не твоё это дело! — отрезала мать. — Ступай на улицу!

Когда за сыном закрылась дверь, Сюцзюань услышала хрип с кана:

— Сюцзюань... дай... дай хоть глоток отвара...

— Последние гроши, что в доме были, ты вчера украл, — холодно отозвалась она. — На что я тебе лекарства куплю?

Мужчина уставился на жену налитыми кровью глазами. Собрав последние силы, он прохрипел:

— Займи... иди к своей родне... дура-баба... живо иди!

Жена даже не шелохнулась. Она подошла к кану и положила ладонь на веки мужа. Тот попытался дернуться, но она крепко прижала руку, глядя на него сухими, воспалёнными глазами:

— Саньши, раз уж ты подыхаешь, так хоть нас с сыновьями в могилу не тяни. Думаешь, я не знаю, кто вчера в хижину к сиротам лез? Вы с Вэй Саньнянем совсем рассудок потеряли — грабить детей, которым и есть-то нечего! Если бы вас не спугнули, вы бы и руки кровью замарали. Половину жизни ты мне сгубил, но детям я жизнь испортить не дам. Умирай. Умирай скорее.

Вскоре веки под её рукой перестали трепетать.

Вэй Чэн и Горшочек и не ведали о том, какие страсти кипели внизу.

Сегодня был праздник Бога очага. В этих краях в такой день было принято лепить пельмени, чтобы задобрить божество. Говорили, что Бог очага весь год хранит запасы в доме, а в этот день улетает на небо, чтобы доложить о делах людских.

Старший брат уже замесил тесто и теперь вместе с Горшочком увлечённо лепил пельмени.

<http://bllate.org/book/15346/1372679>